

• Автор: [Владислав Иноземцев](#)

[Великий Фантом](#)

Часто приходится слышать, что в России с несвойственным большинству современных развитых обществ подобострастием относятся к власти, а также и к тем, кто ее персонифицирует. Это объясняется обычно спецификой истории, территориального расположения и экономических условий России. При этом большинство размышляющих на эту тему людей склонны полагать эту ситуацию аномалией, препятствующей развитию страны.

Возможно, так оно и есть, но я хотел бы обратить внимание на то, что наши проблемы глубже, чем могут казаться. В отличие от либералов, считающих Россию нормальной страной, я думаю, что в политическом отношении мы изначально иные, обладающие, [как утверждает российский президент](#), «исключительно мощным генетическим кодом», который, правда, вряд ли является «одним из главных наших конкурентных преимуществ в сегодняшнем мире». И вот почему.

Как определяется в русском языке политическая форма общества, его организация, располагающая особыми механизмами управления и принуждения и наделенная также и внешним суверенитетом? Государством. И мы ежедневно произносим это слово, не находя в нем ничего необычного. Между тем, на мой взгляд, необычного в нем довольно много, и им среди прочего определяется совершенно особый путь России.

Этимология слова «государство» выглядит достаточно простой: оно восходит к слову «государь», а оно – к славянскому «господарь», т.е. хозяин или повелитель. Некоторые лингвисты делают и следующий шаг – к слову «Господь», или Бог; некоторые останавливаются на «господине». Даже если мы и не доходим до божественной природы государства (она и так давно разъяснена в Священном Писании: «нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» [Римл., 13, 1]), уже сам термин предполагает, что не государство обязано служить гражданам, а подданные должны угождать ему, презирая собственные интересы и потребности.

Феномен, описываемый у нас как «государство», известен уже тысячи лет, но нигде он не обозначался так, как в нашей стране. Все мы помним из курса философии о знаменитом трактате Платона «Государство». Как, однако, назывался он в оригинале? Конечно, Πολιτεία. О чем в нем говорится? О сословиях, их взаимодействии, о смене видов политического устройства. Как называлось государство в римские времена? Оно именовалось Res Publica: и вновь термин отсылал нас к формам правления и к отношениям между управляемыми и вождями, но не к необходимости подчинения. В средневековой Европе термин «государь» не встречался; известное многим название книги Никколо Макиавелли – всего лишь вольность русского переводчика. В оригинале трактат называется Il Principe – в римском значении слова «принцепс». Знаменитый труд Томаса Гоббса «Левиафан», якобы трактующий о мощи государства, посвящен власти содружества церковного и гражданского (the power of a Commonwealth, ecclesiastical and civil), а «содружество» – это все-таки нечто иное, чем система, в которой все определяет прихоть «господаря». Конечно, про сеньоров, королей и императоров говорили и писали все, но сама общественная организация не называлась согласно их титулам.

На протяжении столетий и вплоть до наших дней в романских и германских языках государство обычно именуется state, Staat, état, estado, stato и т.д. Все эти термины, начавшие использоваться для обозна-

чения политической единицы в XIII-XIV веках (т.е. в период, когда в Европе формировались относительно сложные и комплексные общества), восходят к латинскому слову *status*, обозначавшему чье-либо состояние или позицию в отношении к чему-либо (и в этом по смыслу близки к платоновской Πολιτεία). С самого появления данного понятия оно носило релятивистский характер, указывая на отношение обозначаемой сущности к обществу/гражданам или к другим схожим объектам/явлениям. Даже не слишком приятное русскому слуху немецкое *Reich*, происходящее от протогерманского *rikja* и готского *reiki*, и имеющее аналоги в большинстве языков германской группы, указывает на прямую линию наследования, или на принадлежность к некоему роду, но не на отношения господства и подчинения и тем более не отсылает ни к чему божественному. Финское *tila* констатирует пространственную определенность того или иного общества, то есть трактует о территории – как и китайское 疆, сочетающее отсылки к императорскому роду и границе, или, если быть более точным, к стене, отделяющей владения императора от внешнего мира.

В России же даже на столь обыденном уровне, как языковой, изначально искоренены всякие сомнения в совершенно особой роли власти в истории и жизни общества. Российская реальность была и остается даже «печальнее», чем система европейского абсолютизма. В последней монарх мог заявить: «Государство – это я!», тогда как в России даже он не был государством; последнее исторически являлось и по сей день остается абсолютно деперсонифицированной, отчужденной от человека сущностью – и в этом, собственно, состоит величайшая трагедия нашей страны.

Я останавливаюсь так подробно на терминологических моментах потому, что они имеют исключительное значение для понимания российской идентичности.

С давних пор идея «государства» в ее российском исполнении служила и служит для обоснования права любой установившейся в стране власти подавлять собственное население и распоряжаться имеющимися ресурсами не от имени и не во благо народа или общества, но от имени и во благо государства – феномена, который никем конкретным не воплощается. Монарх в давние времена, генсек или президент – в относительно недавние, не называли себя воплощением государства. Более того, даже не отрицая имевшейся у них верховной власти, они умело создавали впечатление, что за существующие в обществе проблемы ответственно их окружение. «Царь хороший – бояре плохие!» – эта максима могла появиться и просуществовать века только в России. Защита государства объявлялась высшей ценностью во все времена – даже тогда, когда любая логика указывала на то, что власть заслуживала свержения, а режим – демонтажа. В России в итоге сложилось общество, большинство членов которого готовы были принести благосостояние и жизни на алтарь государства, не выясняя его целей и намерений. В отличие от Запада, где предполагалось, что «для того, чтобы человек любил свою страну, страна должна располагать к этому» (Burke, Edward. *Reflections on the Revolution in France*), в России смысл существования государства никогда не подвергался сомнению.

Подобный статус «государства» в российской истории и российском мировосприятии обусловил три особенности страны и общества.

Во-первых, «государство» успешно вытеснило народ (а тем более – человека) на социальную периферию. Россия, на мой взгляд, поэтому представляет одну из немногих стран, где, с одной стороны, ценность человеческой жизни практически не растет с течением времени, и где, с другой стороны, правительство прямо и косвенно несет ответственность за большее число жертв среди собственного населения, чем любые внешние войны и катаклизмы. Этот тренд обусловил ряд других, но важнейшим стало перекошенное отношение к экономике, в которой труд ценится дешевле вещей, а порой рассматривается и как нечто дармовое – и потому наша экономика была и остается ресурсной, а не индустриальной, а перейти в какое-то более высокое и более современное состояние ей, судя по успехам наших «модернизаций», вообще не дано.

Во-вторых, крайне важным следствием примата «государства» стало утверждение тезиса о том, что «цель оправдывает средства» – а это выступило обоснованием практически полного пренебрежения к эффективности. За многие столетия в России сложилась подмена того, что обычно называют *efficiency*, тем, что можно обозначить как *effectiveness*; успехом считалось достижение цели, а не решение проблемы. Вся история России полна примеров того, как с крайним напряжением сил строились новые города, дороги, промышленные объекты и т.д., необходимость в которых была далеко не очевидна;

подчас они становились следствием ошибочных стратегий, часто оказывались продуктом бредовых задумок правителей – но общим везде было то, что разумный экономический расчет не присутствовал и не присутствует в беспрецедентно большом числе случаев. Соответственно, подобная хозяйственная идеология ставила серьезные препоны на пути развития частного бизнеса, во всех странах и во все исторические эпохи преследовавшего материальные интересы и ориентированного на экономический результат; во многом отсюда происходит наше принципиальное отличие от остальной Европы.

В-третьих, эти особенности российского понимания «государства» и власти радикально сократили степень приверженности россиян рационализму, серьезно помогая восприятию любых масштабных доктрин и концепций. Именно воображаемый характер государства стал самым важным основанием для расположенности России к доктринальным концепциям и к ее фактической зависимости от них и от утверждаемых ими иллюзорных целей. Масштаб индоктринации в нашей стране превосходит, на мой взгляд, любые имеющиеся в мире аналоги, а сама эта индоктринация становится естественным состоянием общества, в то время как в большинстве других стран была лишь кратковременным отклонением от доминирующих трендов.

Описание существующих проблем и их истоков можно продолжать, но вывод очевиден: для того, чтобы Россия стала чем угодно современным – страной, обществом, state, commonwealth или republic, – она должна перестать быть «государством». Нет ничего плохого ни во власти, ни в правительстве, ни даже в монархе, в конце концов. Но есть огромное зло в «государстве» в его типично русском понимании, в этом великом фантоме, не имеющем ни исторических аналогов, ни исторической перспективы. Эта рабелепская, анахроничная, путающая духовные авторитеты и светские полномочия концепция должна быть отринута, если мы хотим совместно, как единый народ, жить в современном мире, а не разбегаться в разные стороны – туда, где естественной формой человеческой жизни считается общество, а не «государство», а правители являются слугами граждан, а не их «господарями».

**Статья представляет собой авторизованный отрывок из книги В.Иноземцева «Россия: несовременная страна», выходящей в издательстве «Альпина Паблишер» осенью 2017 г.*

теги

[state](#)

[power vertical](#)

[Identity](#)

категории

[Politics](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu